

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

УДК 93/94

А. М. Батчаева, Р. М. Бегеулов

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ГОРЦЕВ ВЕРХНЕЙ КУБАНИ НА СЛУЖБУ В КРАСНУЮ АРМИЮ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920)

Аннотация. Рассмотрен один из важнейших аспектов политики региональных органов Советской власти в период Гражданской войны на Северном Кавказе – привлечение горско-мусульманского населения к службе в красногвардейских частях. Проведен анализ советской мобилизационной политики, ее масштабов, особенностей и отличий от белогвардейской, выявлены причины и мотивы службы горцев в Красной армии.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Верхняя Кубань, Карачай, горцы Зеленчуков, мобилизация, красногвардейские отряды.

Одной из важнейших задач, стоявших перед противоборствующими лагерями в период Гражданской войны, было привлечение на свою сторону местного населения. Особенно эта задача была актуальна на территории Северного Кавказа – многоконфессионального и полиэтнического региона, одной из составных частей которого являлись горские округа Верхней Кубани (Баталпашинский отдел Кубанской области). Учитывая, что на всей его территории власть менялась неоднократно, вновь установившийся режим (советский или белогвардейский) сразу же предпринимал меры в данном направлении. Население региона Верхней Кубани, в частности горско-мусульманское, являлось, наряду с казачеством, основным источником пополнения вооруженных сил. Оно же выступало основным поставщиком крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и продовольствия.

Отметим, что основу как красногвардейских, так и белогвардейских отрядов в регионе составили бывшие всадники и офицеры Черкесского конного полка Кавказской конной дивизии, в 3-й сотне которого проходили службу добровольцы из Баталпашинского отдела.

Отдельные офицеры и всадники в начале 1918 г. открыто перешли на сторону формировавшегося белого движения и вошли в состав добровольческих частей, в основном, казачьих полков. Основная же масса, вернувшись на родину, стала создавать отряды самообороны, которые защищали горское население в разворачивавшейся войне «всех против всех».

Установление же Советской власти в марте – апреле 1918 г. ознаменовалось первым официальным актом вовлечения мусульман Баталпашинского отдела на службу в части Красной армии.

Захватившие власть радикалы понимали, что удержать ее без собственных вооруженных сил не удастся. Вот почему по решению Кубанского облисполкома из жителей Баталпашинского отдела стал формироваться 2-й Кубанский военно-революционный отряд во главе с ветераном Первой мировой войны прапорщиком Я. Балахоновым. Его формирование завершилось к 1 марта 1918 г., составив около 3 тыс. человек при 12 пушках, 20 станковых и 15 ручных пулеметах [1, с. 66–68].

Абсолютное большинство отряда составили представители иногороднего населения и беднейшего казачества. Горцы же составляли лишь небольшой процент бойцов, ибо большинство мусульманского населения по-прежнему пыталось сохранять нейтралитет.

Региональная историография советского периода, утверждая, что «горцы массово вступали в советские революционные отряды», в качестве примера приводила данные по аулу Тазартуковскому, где 19 горцев вступили в отряды Балахонова и Кочубея. Однако, перечисляя далее имена революционных бойцов, авторы сами же подчеркивают, что речь идет на десятки, а не на сотни [2, с. 35]. По самым оптимистичным оценкам, количество зеленчукских горцев, вступивших в красногвардейские отряды, вряд ли превысило 150 человек.

Более структурированным и организованным было формирование красногвардейских отрядов в Карачае, которым по поручению Баталпашинского временного отдельского исполкома и Военно-революционного комитета занимался уполномоченный Т. Алиев. Им было создано семь отрядов в семи населенных пунктах. Несмотря на то, что во главе отрядов обычно стояли представители горского дворянства (узденей) или кулаков, нередко имевших образование (к примеру, сам Т. Алиев окончил военно-фельдшерскую школу), основу их составила горская беднота [3, с. 53].

В традиционно консервативном Большом Карачае идеи вооруженной поддержки Советской власти, проповедуемые Алиевым и другими карачаевскими радикалами, практически не нашли сочувствующих. Из пяти селений, составляющих этот этногеографический район (Хурзук, Учкулан Карт-Джурт, Джазлык, Дуут), лишь в первом селении (родине Т. Алиева) ему удалось организовать отряд [1, с. 73].

Созданные по образцу горской милиции имперского периода эти отряды, официально именовавшиеся «военно-революционными», хотя, по утверждению советской историографии, и сыграли «значительную роль в разгроме контрреволюции на территории отдела» [2, с. 36], все же, по своей сути, были вспомогательными частями. Об этом прямо говорит в своих воспоминаниях один из активных участников событий, красный партизан А. Аджиев, который называет их «отрядами самообороны» [4, л. 27]. Это обуславливалось, в том числе, и малочисленностью данных формирований. Сохранившиеся документы одного из отрядов – Нижне-Тебердинского – свидетельствуют о том, что их численность не превышала 30 человек [5, л. 12]. Умножив это число на количество отрядов,

мы получим цифру карачаевцев, вошедших в вооруженные формирования, сражавшиеся на стороне новой власти. Учитывая также отдельных представителей Карачая, служивших в «официальных», регулярных красных частях, мы можем ориентировочно определить их численность в 200–250 человек.

Как видим, в целом, даже по оценкам советской историографии, преувеличивавшей степень поддержки горцами идей большевизма, общее количество мусульманского населения Верхней Кубани, с оружием в руках вставшего на защиту новой власти, можно оценить в 300–400 человек. Это примерно в 1,5 раза превышало показатели периода Первой мировой войны, однако данное превосходство нивелировалось целым рядом факторов.

Прежде всего, служба горцев в красногвардейских отрядах была кратковременным явлением (лишь до сентября 1918 г.) и не неслась на постоянной основе. Кроме того, участие в боевых действиях отрядов вызывалось лишь активизацией контрреволюционных сил, которые в первой половине 1918 г. еще не были в достаточной степени организованы. Важным фактором было и то, что горцы-красноармейцы воевали на территории региона, а не за тысячи километров от него, как всадники Черкесского полка.

Принимая во внимание все вышеперечисленное, мы можем сделать вывод о том, что по своему масштабу мобилизация горцев в красногвардейские части вполне сопоставима с мобилизацией в Черкесский конный полк в период Первой мировой войны. Именно этим объясняется добровольный характер большевистской мобилизации и отсутствие эксцессов при ее проведении. К тому же, как отмечалось ранее, органы Советской власти ориентировались, прежде всего, на использование экономических ресурсов горского населения, а не на его военно-мобилизационный потенциал.

Говоря о причинах, побуждавших горцев вступать в отряды Красной гвардии, мы можем сразу же отметить, что превалировали мотивы улучшения своего социального статуса и положения в обществе.

Основная масса бойцов данных отрядов, как отмечалось ранее, по своему социальному статусу относилась к бедняцкой прослойке и идеологически противостояла белому движению, отстаивавшему возвращение к дореволюционным социальным устоям. В подобной ситуации Советская власть с ее лозунгами о справедливом перераспределении земельных ресурсов, значительная часть которых была на тот момент сосредоточена в руках частных землевладельцев и верхушки казачества, позиционировала себя защитником интересов горской бедноты.

Еще одним моментом, привлечшим горцев на сторону большевиков, была их либеральная межнациональная политика. Объявив о равных правах для трудящихся различных этносов и вероисповеданий, акцентируя внимание на разрешении многовековых проблем российских мусульман и горских народов, в частности, новые власти сумели заручиться поддержкой даже части местной национальной элиты, которая и стала во главе красногвардейских отрядов.

Для определенной части горцев мотивом присоединения к революционным отрядам, де-факто являющимся военными силами режима, стала возможность легализации своих вооруженных отрядов, созданных в конце 1917 г. для обороны селений и высокогорных кошей.

В то же время местные красногвардейские отряды были сильно «привязаны» к территории проживания. В случае удаления от родных поселений они резко сокращались в численности; падала также их боеспособность. Это во многом обусловило тот факт, что они не смогли оказать действенной помощи местным революционным отрядам в период активного наступления белых частей на северную часть территории Баталпашинского отдела.

Вторичное установление Советской власти в Баталпашинском отделе весной 1920 г. не привело к значительным изменениям в мобилизационной политике большевиков в отношении горцев.

По-прежнему лишь единицы из представителей мусульманского населения служили в рядах Красной армии, завершавшей Гражданскую войну. Основная же масса горцев, несмотря на мобилизацию населения отдела, особенно в период советско-польской войны, не призывалась в ряды РККА.

Причиной тому было, на наш взгляд, не только осознание органами Советской власти верности тактики ограниченного (добровольного) призыва горцев, но и недоверие к ним. Ведь население региона Верхней Кубани, благодаря своей зажиточности и консервативности, слабее всего восприняло идеи большевиков и в ходе Гражданской войны, в целом, было на стороне белых (несмотря на все издержки).

Попытка особоуполномоченного Реввоенсовета 9-й Кубанской армии Н. Черемухина (малознакомого с горской действительностью) провести массовую мобилизацию (350–400 человек) в селениях Большого Карачая для проведения карательной акции против казачьей станицы Кардоникской и села Георгиевского (населенного выходцами из Осетии) окончилась провалом. Пытаясь привлечь карачаевцев на свою сторону, он пообещал наделить их земельными угодьями за счет осетин и казаков. Играя на главной экономической проблеме народа, Черемухин, пытаясь заручиться лояльностью карачаевцев, по сути, развязывал межнациональный и межконфессиональный конфликт (карачаевцы – мусульмане, казаки и осетины – христиане). Однако его планы не нашли поддержки в Карачае.

К тому же провокационное поведение Черемухина, допустившего в период своего пребывания в Карачае расстрел двух осетин, оскорбления старейшин и религиозных авторитетов, вызвало взрыв народного возмущения.

Отряд Черемухина был разбит, менее трети красноармейцев во главе с командиром спаслись бегством. Это стало началом открытого восстания в Карачае, которое продолжалось до конца октября 1920 г. и завершилось лишь после мирных инициатив со стороны Советской власти и Красной армии [6, с. 181–183].

Крах черемухинской авантюры стал очередным свидетельством отсутствия у противоборствующих сторон в Гражданской войне действенных методов и приемов мотивации горского населения на службу в воинских подразделениях под своими политическими лозунгами.

Этот урок был хорошо усвоен местными и центральными органами Советской власти, которые, вплоть до конца 1920-х гг., воздерживались от призыва горцев на действительную военную службу.

Подводя итог, мы можем отметить, что созданные в кратковременный период первого существования Советской власти в регионе (март – август 1918 г.) горские красные отряды по своей численности составляли около 350–400 человек, что было вполне сопоставимо с показателями имперского периода. При этом в значительной степени по своей сути это были силы самообороны.

Учитывая, что о какой-либо серьезной поддержке мусульманским населением Баталпашинского отдела большевистских идей в годы Гражданской войны говорить не приходится, местные органы Советской власти и красное командование акцентировали внимание на экономическом факторе поддержки. Неслучайно горские отряды создавались под лозунгами защиты «завоеваний революции». Под ними подразумевались захват и передел между беднейшими слоями помещичьих земель, сельскохозяйственных орудий, скота и т. д. Неудивительно, что именно бедняки составляли основу горских отрядов, участвовавших в разгроме антисоветских сил весной – летом 1918 г., хотя командовали ими, в основном, представители радикальной интеллигенции.

В отличие от белогвардейского режима Советская власть воздерживалась от мобилизации горцев в Красную армию и после победы в Гражданской войне. Отдельные же попытки ее проведения в добровольно-принудительном порядке вызвали резкое противодействие горского населения, вплоть до вооруженных восстаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лайпанов, К. Т.** Октябрь в Карачаево-Черкесии: Борьба большевиков за власть Советов (1917–1920) / К. Т. Лайпанов. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. кн. изд-во, 1971. – 192 с.
2. Очерки истории Карачаево-Черкесии: в 2 т. Т. 2. Советский период / Отв. ред. Р. Х. Джанибекова. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. кн. изд-во, 1972. – 448 с.
3. **Урусов, К. С.-Б.** Известные люди Карачаево-Черкесии. Краткий биографический словарь: в 2 т. / К. С.-Б. Урусов, Р. Т. Хатуев. – Черкесск: КЧИГИ, 1997. – Т. 1. – 240 с.
4. Центр документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (ЦДНИ ГА КЧР). – Ф. П-45. Оп. 1. Д. 46.
5. Центр документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (ЦДНИ ГА КЧР). – Ф. П-347. Оп. 1. Д. 26.
6. **Алиев, У. Д.** Карачай (Карачаевская автономная область) / У. Д. Алиев. – Черкесск: Истоки, 1991. – 320 с.